

По воде побежала рябь. Ну, все, думаю, – скоро.

На самом деле, я знаю, что это происходит каждый год, и все же каждый раз мне становится не по себе при мысли, что скоро этой самой мысли в голове не останется, ровно как и всех остальных. Нет прошлого – не о чем жалеть, нечего помнить, не с чем сравнивать. Я думаю об этом каждый год, и каждый год забываю. Каждый год...

Слышу удар в гонг. Пора. Я и так редко (да что там, практически никогда) прибываю хоть куда-то вовремя, так что сейчас самый подходящий момент, чтобы справиться – в очередной раз, вообще-то, можно было бы уже и привыкнуть, Йам, – с этой чрезвычайно вредной привычкой, осложняющей жизнь мне и тем, кто хоть немного заинтересован в продолжении моего существования на этой планете, и, разобравшись с ежегодной меланхолией, как можно быстрее вернуться на Базу. Там опоздавших не бывает. Я их не помню.

Пока пробираюсь в обратную сторону по запутанным едва протоптанным тропинкам, стараясь как можно быстрее добраться до выхода из леса, пытаюсь еще раз прокрутить в голове все то, что произошло за этот год. Все то, что так безвозвратно покинет меня через каких-то полчаса. У этих ребят все строго: через час после полудня они начинают обед, через два – говорят тебе: «До встречи в следующем году», и ты пропадаешь. Буквально.

Да так и было всегда, в общем-то. Другого мира я особо не помню. Вся моя жизнь всегда сводилась к одному: Дню Воспоминаний. Мне всегда было смешно, потому что вообще-то это скорее день как раз-таки без этих самых воспоминаний. Когда я жил в семье, то вроде бы слышал разговоры о том, что раньше жизнь была не такой, что люди были свободны и их жизнь только им и принадлежала. Глупости, конечно. Ну как это возможно? Если бы люди были свободны, вокруг был бы хаос. Никому не хватало бы ресурсов, потому что они были бы сосредоточены буквально в одних руках, и из-за этого всем остальным приходилось бы силой отнимать их друг у друга. Кругом царило бы насилие, и никто бы не был счастлив. Наверное, поэтому люди и согласились на новое устройство мира. И хотя, помнится, в семье ни о каком согласии не говорилось, утверждать я этого не могу, так как вот уже десять лет прошло с тех пор, как нас разлучили. Десять лет! Кто бы мог подумать. Когда я сейчас смотрю на десятилетних детей, которые только-только появились у нас на Базе, мне даже не верится, что и я был таким же. Более щуплым, возможно, но в основном – таким же (семья была не из богатых, и еда была разовой акцией – поесть везло далеко не каждый день).

Я часто говорю, что помню моменты из детства, но на самом деле вероятность того, что эти события действительно были в моей жизни, далеко не так уж и велика. Поскольку каждый год мы, жители Базы, которая является основой для подготовки универсальных бойцов (как звучит-то, а?), проходим процедуру по изъятию всех воспоминаний о нашем прошлом, что-то помнить стало роскошью. Но я, хоть и был чрезвычайно щуплым в десять лет, смекалкой-то обделен не был. И окружающие меня в то время люди – тоже. В семье перед Изъятием родственники успели вложить в карман моей куртки маленький блокнот и карандаш, и, со словами «Пиши» и слезами на глазах, отпустили меня, потому что это все, что они могли сделать в тот момент – отпустить. В данном случае

было бесполезно спорить, драться, отрицать, уговаривать: на Базу забирали всех. И мы становились монстрами. Бездушными, подчиняющимися, исполняющими указы, какими бы они ни были. А они бывали ужасными. Но до этого еще год – на службу призывают только с двадцати одного, а перед этим – воспитывают. Хотя ежегодное стирание памяти сложно назвать воспитанием: мы просто становимся пустыми. Нас ничто не держит, не трогает, не останавливает. Должно, по крайней мере. Но бумага и карандаш творят чудеса. Мы должны были стать монстрами, но далеко не все стали ими.

Мне повезло, потому что когда я попал на Базу, День Воспоминаний только что прошел, и у меня в запасе был целый год, чтобы подробно описать все то, что я знаю о себе, о мире, о людях, которые меня окружают. Без этих знаний я не знал бы, кто я есть, и эта мысль каждый раз заставляла все мое тело похолодеть. Без воспоминаний я мог стать кем угодно, и поэтому так важно было сохранить их любой ценой. Но цена была невелика. Недалеко от того места, где располагался жилой комплекс со всеми, когда еще не достиг возраста бойцов, начинался густой лес, куда я стал периодически сбегать. Временами там можно было столкнуться нос к носу с проверяющими, какой-нибудь парочкой провинившихся, которых отправили в лес за мелочь, несущественную ошибку или проявление слабости (читай – человечности), и эти бойцы были, несомненно, очень рады, когда им выпадал шанс наказать кого-то из сбежавших. Так что в лес мало, кто отваживался заглядывать хоть изредка, а в основном все обходили его стороной. За пару километров, например. Хотя официально находиться в лесу не было запрещено. А вот хранить воспоминания – да, это было под строжайшим запретом. Но я еще в десять лет решил, что лучше уж совсем погибну от рук блюстителей закона как нарушитель установленного порядка, чем от меня останется одна оболочка, а внутри – ничего. Это же буду не я, верно? Все просто.

Но бойцов действительно стоило бояться. Тут есть один нюанс: они были больше, чем просто людьми. Хотя за людей-то их как раз мало, кто считал. Обитатели жилого комплекса делились на тех, кто мечтал быстрее оказаться в рядах бойцов, быть «усовершенствованным» (официально все должны были думать именно так, но что же это за правило такое, если в нем нет исключений?), и на тех, кто считал бойцов кучей железа в оболочке из бывших соратников. Не просто так в отряды бойцов вступали с двадцати одного: только к этому возрасту организм был готов принять те изменения, к которым его готовили. Пустые, без воспоминаний и эмоций, люди были «дополнены», так сказать: кому-то заменяли части тела на оружие (Был у нас один парень, которому вместо руки приделали автомат, а один глаз заменили на лазерное оружие: зрелище страшное, и вовсе не потому, что оружие смертельное, а потому, что оно находится в руках пустого человека, который без сомнения выполнит любой приказ. Без единого колебания), кому-то вообще могли практически все тело заменить. Это были роботы в людской оболочке, следящие за порядком и миром путем участия в войне. Война была тихой: тех, кто не был согласен с новой системой, уничтожали. Самое страшное, что это могло занять всего пару минут. Пара минут – и как будто бы не было целого города с его жителями, их домами, городскими парками, школами, больницами... Детей забирали. Забирали и опустошали, механизировали и превращали тех, чьей рукой была разрушена вся их жизнь.

Но система не учитывала того факта, что люди быстро адаптируются. И, поскольку слухи имеют свойства разноситься буквально молниеносно, а люди имеют свойство выживать даже в самых страшных катастрофах, со временем появились сообщества тех, кто собирался эту самую систему побороть. Это были взрослые люди, целые семьи, которые объединились ради призрачной надежды на светлое будущее. Среди них были и мои родители. Были и другие. И благодаря своевременной подготовке этих семей, я и мои союзники до сих пор живем с воспоминаниями. Да что там – какие союзники. Они мои друзья.

Погруженный во все эти в большинстве своем не слишком радостные мысли, я вхожу в столовую. В час обед. Смотрю на старые покосившиеся часы на стене и облегченно вздыхаю: у меня в запасе даже осталась еще пара минут. Поворачиваю в привычный правый угол – моя команда уже там. Удивительно, какие мы разные и как умудрились дожить вместе до этого момента. Про «Дожить» я даже и не шучу, только сегодня я легко мог бы пасть жертвой лазера как минимум два раза: сначала в лесу, если бы меня там поймали в тот момент, когда я вносил все, что помню про прошедший год, в уже изрядно потрепанный блокнот, спрятанный в дупле старого дуба, раскинувшего свои ветви над частью небольшого лесного озера, а затем на обеде, если бы я опоздал. С дисциплиной тут строго, как понимаете. Но мы выжили и в этих условиях, дожили до этой самой секунды, когда я смотрю на своих друзей и думаю, что без них бы уже давным-давно сам добровольно себя лазером испепелил. Взять хотя бы близнецов Эйби и Сиди. Эти ребята спорят постоянно, но всегда и на все знают ответ, словно каждый раз истина буквально рождается во время их спора. Эйби смелая и решительная, но крайне непредусмотрительная, что компенсирует Сиди его заиканностью на правилах и манерой тысячу раз все просчитать наперед, чтобы ни в коем случае не совершить ошибку. Роковая ошибка будет или же какой-нибудь пустяк, не имеет значения – Сиди не переносит осечек в планах. Но если бы не он с его точностью и дотошностью, я бы уже точно не существовал в этом мире. Возможно, другой мир и получше нашего, но хотелось бы проверить это лет так через сто, никак не раньше. Но если я частенько попадаю под подозрение, то вот наш Форт – никогда. Этот парень научился настолько искусно изображать полное отсутствие личности, что мы даже пару раз боялись, что все действительно пошло не так, и теперь он один из тех, пустых. Еще есть Алви, она младше нас всех примерно лет на пять, но точно никто не знает, потому что и она сама не в курсе. Так получилось, что в документах родители проставили ей ту же цифру, что и нам, так как они знали, что единственный способ выжить – быть вместе, но при этом Алви была еще слишком мала, чтобы запомнить хоть какую-то существенную информацию о себе. И хотя она пытается быть с нами на одном уровне, все равно мы все – и я, и Форт, и Эйби с Сиди – знаем, что несем за нее особую ответственность. У Алви ни капли смелости и, честно говоря, ума в общем-то тоже не очень много: без нас девчонка бы давным-давно пропала, но мы ее любим как младшую сестру, а уж она нас как любит – не передать. Старается учиться, постоянно ходит за Эйби хвостиком (что с учетом непредусмотрительности Эйби не очень-то и хорошо, пару раз все обходилось только потому, что рядом был Форт, который зарекомендовал себя как самый перспективный на должность бойца нового поколения). Жаль мне этого ребенка, мы-то, конечно, все понимаем, что для оказания сопротивления она не сгодится. Алви мечтает, что сможет оказать неоценимую помощь, но пока что

она привыкла помощь лишь получать, и, честно говоря, никто не думает, что будет как-то по-другому. Таков вот наш скромный отряд спасителей мира: неугомонная Эйби, занудный Сиди, великолепный Форт, маленькая Алви и я – Йам, человек, который вечно попадает в передряги и только благодаря стараниям друзей все еще жив. И именно на нас рассчитывали сотни людей во главе с нашими родителями. Неловко получилось.

На самом деле, людей в жилом комплексе много. И, возможно, даже есть такие же объединения, как мы, да только нам друг друга не распознать. Всех тех, кто вызывал хоть малейшие подозрения, бойцы уводили из помещения, и больше о тех несчастных никто и никогда не слышал. Поэтому мы научились настолько искусно притворяться, что иногда мне становится страшно, а не стали ли мы частью всех этих пустых людей. Потому что стать ими очень легко. Разумеется, мы не можем пропускать ежегодный День Воспоминаний. И, разумеется, процедуру стирания памяти мы тоже пропустить не можем – моя команда виртуозна, но не настолько. Поэтому приходится записывать все то, что происходит, что мы знаем и помним, чтобы затем заново создавать себя. Мы так друг друга и нашли – родители дали нам одинаковые карандаши, а мы их всюду с собой таскали. Воссоединение потребовало некоторого времени, но тут с этим все в порядке: поскольку мы фактически должны находиться без памяти, то никакой угрозы не представляем, так что если никому на глаза не попадаться, то можно и сформировать собственный маленький отряд особо отважных. У каждого из нас есть по блокноту, где указана вся известная информация о его обладателе: воспоминания, информация о семье, прошлом, да хотя бы возрасте. Все то, что делает нас – нами. И каждый прячет свой блокнот в особом месте, о котором точно не знают даже остальные, чтобы не подвергать друг друга опасности, которой на Базе и так хватает. Я вот всю информацию о себе спрятал в лесу, потому что знаю, что кроме пары бойцов, которые время от времени надеются найти там провинившихся товарищей, больше в этом месте никого не бывает – боятся все. Мне, конечно, тоже мало удовольствия доставляет прогулка, когда я знаю, что она может стать последней в моей жизни, но, опять же, уж лучше так, чем лишиться воспоминаний о себе, и, значит, умереть, не исчезнув.

Наконец, ребята меня заметили. Смотря на их мимолетные (яркое проявление эмоций здесь, разумеется, под запретом, но жить совсем без них мы не в состоянии, увы или к счастью) приветственные улыбки, я понимаю, что ради этого все и затевалось. Ради искренности, ради жизни, которой больше нет в новом мире. Да, у нас строгий режим и официально нет памяти о прошлом, а каждый год наши соратники (да и мы сами) знакомятся друг с другом заново и каждый год здесь как первый, но самое ужасное – понимать, что им так комфортно. Они не знают, каким было прошлое, почему мы здесь и что конкретно будем делать, когда станем бойцами. Они думают, мы будем помогать в соблюдении всеобщего закона, что мы будем делать мир лучше, совершеннее. Они не знают, что за пределами Базы люди погибают, потому что видят мир иначе, погибают, потому что не согласны с универсальными правилами, насильно им «предложенными», погибают, защищая своих детей, которых все равно в конце концов забирают. Конечно, здесь нам на «уроках» говорят другое. На этих ежедневных трехчасовых встречах, начинающихся через час после окончания обеда, нам рассказывают про нашу миссию, про

миссию всего нынешнего Законодательства, про то, как устроен мир за пределами Базы. Именно там отрицают важность свободы и пропагандируют ограниченность в правах как высшее благо, а бойцов преподносят как героев. И многие с трепетом ждут того момента, когда им исполнится, наконец-то, двадцать один, и они смогут быть частью создателей всеобщего процветания. Про стирание памяти, кстати, ни разу за десять лет, что я тут нахожусь, никто и ничего ни на этих лекциях, ни где-либо еще не говорил. Люди попросту не знают, что их ждет. Просто в один прекрасный день всем обитателям жилого комплекса сообщается, что сегодня День Воспоминаний, и каждого просят пройти в определенное помещение. Так вот люди туда входят, а выходят уже вовсе не они, а новые заготовки, можно сказать. И опять целый год одни и те же лекции по новой, потому что мы еще в первые годы всю преподносимую нам руководством информацию в своих блокнотах в письменном виде зафиксировали. Так что только для нас – меня и моих друзей – одни и те же, а все остальные-то, конечно, это снова в первый раз слышат.

А сегодня снова День Воспоминаний. Я его не люблю помимо очевидных причин еще и потому, что потом довольно много времени уходит на то, чтобы заново собрать свою команду воедино. С каждым годом мы справляемся все быстрее и быстрее, но все равно этот момент – мой нелюбимый. В первый раз у нас больше полугода ушло на то, чтобы найти друг друга. Конечно, чего ожидать от десятилетних детей. Вот в прошлом году управились за две недели. В этом году надеемся период еще подсократить. Этот год будет самым важным. К этому году мы готовились все эти десять лет. Поскольку каждому из нас исполнится двадцать один, мы уже стоим в очереди на «усовершенствование». Если мы туда попадем, то все. Назад пути не будет, и свою миссию мы так и не осуществим, потому что «мы» как личности в этом случае исчезнем окончательно (без воспоминаний нас бы и сейчас уже частично не было), и никакие блокнотные летописи не помогут. Однако поскольку процедура превращения человека в получеловека происходит обычно в конце года, теоретически у нас довольно много времени. План простой: найти друг друга после стирания памяти, сбежать с базы, найти наши семьи, которые уже разработали дальнейший план. Они знают, кто стоит за всем сотворенным Законодательством, и без кого текущий режим рухнет как слабое дерево во время урагана. За эти десять лет мы досконально изучили Базу и ее режим, а также всех контактирующих с нами лиц. У нас полно информации, мы знаем, как они думают, и самое главное наше преимущество – никто не имеет ни малейшего понятия о том, что в жилом комплексе у нескольких человек воспоминания фактически бессмертны, ибо закреплены, так сказать, документально – в письменном виде. Думаю, нас было бы больше, если бы у всех семьи были такие предусмотрительные. Но в основном люди ничего не знали, боялись, и уж никак не думали никого свергать. Так что наш скромный освободительный отряд по-прежнему оставался весьма малочисленным, что, с другой стороны, даже хорошо – пока кто-то заметит, что мы сбежали, пройдет довольно много времени, к тому моменту мы должны быть уже достаточно далеко.

Подхожу к нашему столу и приветственно всем киваю. Каждый помнит, какой сегодня день: мы снова прощаемся. Глупо, конечно, ведь через пару недель, а то и меньше, мы снова станем командой. Но всегда есть риск, что кто-то из нас не

вернется. Есть риск, что кто-то из нас не разгадает собственный ребус, не найдет блокнот, и мы потеряем друга навсегда. Чтобы, опять же, не подвергать друг друга излишнему риску, наши блокноты содержат полную информацию лишь об их владельцах, а о союзниках — лишь поверхностно. Достаточно для того, чтобы мы друг друга нашли, но недостаточно для того, чтобы это стало оружием против нас самих. Так что сегодня в воздухе так и витает дух разлуки. Что ж, это в последний раз. Надо смириться с ситуацией в последний раз. А дальше — будущее. Мы все понимаем, что будет нелегко, но я всегда считал, что лучше действовать в страхе, который тебя чуть ли не физически сковывает, чем не делать ничего и просто ждать. Главное, быстрее разгадать собственную головоломку по нахождению всей записанной о себе информации, и тогда станет легче. Опять и в последний раз.

Как блокнот каждого владельца спрятан в уникальном месте, так и путь к нему знает только тот человек, о чьей истории идет речь. Каждый из нас придумал загадку для себя самого, ребус, который позволит обнаружить местонахождение своей собственной летописи. Это не так уж и легко, как может показаться. При составлении загадки надо учитывать, что, во-первых, человек без памяти, то есть бесполезно апеллировать к ранним событиям в его жизни, а во-вторых, эту загадку никто другой не должен быть в состоянии разгадать. Казалось бы, как такое проверить, но мы пока что справлялись. Тут нам в очередной раз помогает тот факт, что никто из руководства не имеет ни малейшего понятия, что где-то на корабле происходит тихий бунт, они уверены, что все эти десять лет мы находимся в тихой гавани. Но шторм близится...

За обедом мы молчим. Последние часы и минуты дружбы всегда пролетают молниеносно, поэтому *saagre diem*, как говорится. Лови момент.

И вот снова удар в гонг. Честное слово, почему сверхдержава, которая превращает людей в машины, не может соорудить для сигнализирования нечто более инновационное, чем гонг? Я последние лет пять задаюсь этим вопросом чуть ли не каждый завтрак, обед и ужин, однако ответа так и не нахожу. Мы с друзьями переглядываются. До прощания ровно час. До встречи час и одна минута. До дружбы... Не хочу об этом думать. «В последний раз», — напоминаю я себе. В последний раз. Удивительно, как остро ощущается жизнь, когда понимаешь, что она вот-вот изменится. Как жадно глотаешь воздух, как будто в новой жизни он исчезнет, как пытаешься прочувствовать настоящее каждой клеткой своего организма, словно потом мир растворится. Хотя в каком-то смысле так и есть, ведь нынешний мир исчезнет, но важно помнить, что появится новый, и жизненно важно быть готовым принять эти изменения, потому что не найдя место в настоящем, сбежать будет некуда. Так что я собираю все силы, что во мне остались, и просто заставляю себя прожить этот час. Все равно потом забуду, как я мучился.

После удара все встают. Режим здесь не просто слово, это закон, за соблюдение которого отвечаешь головой. С детства готовят к тому, что мы станем машинами. Никакого творчества, только инструкции. Никакой личной свободы, только слепое повиновение. Наверное, если мы не наша миссия, я бы уже давно сошел с ума. Только мысль о том, что есть шанс все изменить, и что я в этом плане играю одну из главных ролей, заставляет меня вставать с ударом гонга, идти завтракать с ударом гонга, обедать с ударом гонга, ходить на «уроки»,

объясняющие преимущества режима, с ударом гонга, ужинать с ударом гонга и спать ложиться все с тем же ударом. У меня такое ощущение, что если бы вдруг у всего мира отключился звук, я бы все равно слышал эти удары в своей голове. Повторение есть дисциплина, слепое повиновение есть режим.

Час свободного времени и последний час в здоровой, так сказать, памяти, мы с друзьями, разумеется, решаем провести вместе. В жилом корпусе всего два помещения, где можно находиться большой (или не очень) компанией: столовая и огромное спальное помещение, которое — по-моему — смахивает на старый ангар, и где расположены спальные места всех обитателей жилого корпуса (Помещение не особо приятное: десятки рядов жестяных двухэтажных кроватей в вечно полутемном помещении, потому что старые лампы освещают пространство тусклым грязно-желтым светом, где фактически нет личного пространства, и уединиться тоже негде; ты всегда на виду, ты открытая книга, даже если не хочешь ей быть. Нам с друзьями приходится прикладывать огромное количество усилий, чтобы хранить общую тайну. Но скоро... Скоро. Скоро все изменится. Терпение, Йам). Поскольку и там, и там, мы находимся под пристальным вниманием сожителей, так сказать, единогласно принимаем решение пойти на улицу. Время еще есть, а пешие прогулки здесь мало, кто любит, да и свободного пространства на улице куда больше, чем в помещении.

Мы молча выходим на свежий воздух. Яркое солнце освещает поляну перед жилым комплексом, и, глядя на эту изумрудную траву, на такое далекое и насыщенное синее небо, ощущая кожей легкие порывы теплого майского ветра, я не верю, каким мрачным стал этот мир. Природа словно иллюзия, словно декорация, украшающая сцену, где уже столько лет разыгрывается легендарная драма. И в который раз я задаюсь вопросом, как наш мир стал площадкой для жестокости, как мы допустили даже мысль о том, что кто-то может быть единоличным хозяином всего, живого и неживого.

Наконец, молчание прерывает Сиди. Он смотрит на небо, жмурится от яркого солнца и говорит одновременно со всеми и ни с кем. Всего одно слово. Ухмыляясь, он произносит: «Готовы?». И этот вопрос не требует ответа. Мы все переглядываемся, молчим, а потом мирные звуки природы прерывает наш громкий хохот. Мы смеемся, и в этом смехе все: и горе потерь, и обида за безвозвратно потерянные годы юности, и благодарность, что мы есть друг друга — и что все еще можем быть людьми. В этот момент неважно, что происходит с этим миром, есть только одно бесконечное «Сейчас», в котором мы находимся и в котором, на удивление, даже ощущаем счастье. Всего на пару секунд, всего несколько улыбок, но мы счастливы даже в самые темные времена. Меня всегда удивляла эта человеческая особенность: где бы ты ни был, ты можешь почувствовать, что счастлив, даже в самый абсурдный момент. Стать на секунду счастливым, даже если рушится весь мир. Но секунды быстро проходят. И момент нашего счастья тоже прошел, уступив место печали — предвестнику расставания.

Доходим до края здания и удобно устраиваемся на небольшой лужайке в тени очередного дуба, щедро укрывающего землю вокруг тенью от своих ветвей, словно проявляя заботу о незнакомцах, наслаждающихся последними моментами привычной жизни.

— Думаете, все получится? — Алви вопросительно смотрит на нас.

— А какие еще есть варианты? — Форт улыбается, но радости в этой улыбке как света на дне колодца: мало, а то и вовсе нет.

— Например, кто из нас в этот раз не найдет свои записи, и так и останется пустышкой. Или мы просто не успеем распознать друг в друге друзей до того, как подойдет наша очередь на «усовершенствование». Или у нас не получится сбежать, и мы станем машинами. Мало ли, что может произойти! — Сиди не любил решать проблемы по мере их поступления, Сиди как будто видел тонкую материю, из которой соткан этот мир, и нитями в этой материи были потенциальные проблемы.

— Тогда нам будет уже все равно. — Эйби резко прервала диалог.

Да уж, тут ведь и не поспоришь. Если что-то в нашем плане пойдет не так, то это просто сделает окончательно невозможным свержение текущего режима. И кто знает, как скоро мир погрузится во тьму, не выдержав отсутствия человечности.

Ход мыслей прерывает уже привычный звук гонга. Поднимаясь на ноги, я больше не ощущаю ничего: ни страха, ни печали, ни присутствия боевого духа. Я как будто уже стал тем, чему мы противостоям вот уже десять лет, — пустым человеком. «Ну уж нет, этого никак допустить нельзя», — возмущаюсь я сам себе. Ради друзей, ради семьи, ради тех, кто каждый день отрывает от себя детей и отдает их в жесткие лапы режима, ради всего человеческого, что осталось на Земле, мы не должны отчаиваться. Отчаяние — предвестник смерти, которая ждет за углом. А мы хотим жить.

Погруженный в свои мысли, я и не заметил, как мы вернулись в корпус. Перед самой процедурой стирания памяти гонг звучит ровно три раза: за десять минут до начала, за пять, и за секунду до того, как... Ну, в общем, тут все понятно. Когда мы заходим в помещение, раздается второй удар. «Скоро», — в очередной раз думаю я. Эта мысль меня сегодня не покидает, крутится в голове постоянно, не дает забыть, кто я и где нахожусь.

Стирание памяти само по себе происходит чрезвычайно быстро, а сколько подготовки-то, с ума сойти. Мы в привычном для Дня Воспоминаний молчании бредем в Белую Комнату. Кроме нас никто не знает, куда все направляются. Они думают, что это очередная лекция, на этот раз, видимо, что-то историческое, раз речь идет о воспоминаниях. Они не знают, что сейчас исчезнут. Поэтому страшно только моей команде, только моим друзьям. Ну, и мне, конечно. Так что, когда мы заходим в комнату, меня пробивает озноб, хотя в помещении тепло. Эта круглая комната, заполненная ярким белым светом, которая как будто бы полностью из этого света и состоит, снится мне чуть ли не каждую ночь. В кошмарах. Как долго буду я вспоминать его, когда текущий режим падет? «Если. Если падет, Йам», — напоминаю я себе. Вдоль стен располагаются стулья, и, хотя в моих кошмарах они до бела раскалены, сейчас я с облегчением вздыхаю: обычные белые стулья. Для верности даже провожу рукой по поверхности перед тем, как сесть — нет, это не мой ночной кошмар. Это реальность. Или кошмар стал реальностью? Доля правды в этом есть,

отмечаю я про себя. Единственная правда, доступная нам: совпадение ужасов из снов с реальным миром.

Голос из динамика просит нас занять все свободные места. Мы с друзьями садимся так, чтобы видеть друг друга. Прямо напротив меня сидит Эйби. Рядом — Сиди. То, что они родственники, им догадаться будет не сложно: лица-то одинаковые. Удобно быть близнецами. Другое дело Форт, который так искусно изображает преданного Режиму первого в очереди на звание лучшего бойца нового набора, что поначалу всегда вызывает у нас подозрения, что осложняет процесс воссоединения команды. Да, у нас в блокнотах записан общий пароль, по которому мы точно определяем, наш ли это человек, но в случае Форта даже после успешного прохождения проверки сразу поверить в его стремление к свержению режима чрезвычайно сложно. Слева от близнецов сидит Алви. Нервно теребит белую прядь волос и периодически сдувает с лица попавшие на его непослушные кудрявые волосы. А я смотрю на друзей и молю высшие силы о скорейшем воссоединении с ними. И тут комната наполняется оглушающим звуком третьего удара в гонг. Пора.

Открываю глаза. Видимо, я ослеп. Что произошло? Мир как будто бы растворился в белом тумане. Где я? Тут пространство вокруг, наконец-таки, начинает приобретать ясные очертания, и я с удивлением отмечаю про себя, что нахожусь в светлом замкнутом помещении с большим количеством таких же удивленных людей, как и я, а, главное, не имею ни малейшего понятия о том, как я сюда попал. Постепенно понимаю, что звенящую тишину стали нарушать посторонние звуки: скрип стульев, на которых мы все расположились с неведомой целью, шумный вдох соседа, мои вопросы, звучащие из чужих уст. Почему мы здесь? Кто мы? Что будет дальше? Тут непонятно откуда раздается мощный удар в гонг. Невольно мои руки тянутся к ушам, а глаза широко раскрываются от удивления. И как это понимать? Что, в конце концов, происходит?

Внезапно по всей комнате гулким эхом разносится объявление: приглашение на встречу, где нам будет объяснено наше предназначение. Что ж, многообещающе. Тут дверь в комнату открывается — как я раньше ее не заметил? — и перед нами возникает человек. Мой взгляд так застыл на его красных глазах, что я и не сразу заметил, насколько он нас выше. Однако в следующую секунду все прояснилось: опустив взгляд вниз, я обнаружил, что ниже колена ноги чужака плавно перетекали в свое железное продолжение, оканчиваясь не человеческими ступнями или хотя бы парой поношенных кроссовок, а конструкциями, которые пружинили при каждом шаге этого странного существа. Я уже не был уверен, что передо мной человек. Однако для робота он был слишком... Живым? Остановив на каждом из нас свой взгляд буквально на доли секунды, этот — как же его назвать? — биоробот лаконично приказал следовать за ним. «А почему, собственно? Мы что, в армии?» — я оглядел комнату. Нет, вряд ли это армия. Навскидку, в комнате примерно человек пятьдесят. Из них девушек примерно половина. Ладно, оставим вариант армии как запасной. Но где же я тогда? Поскольку биоробот (нет, так мне не нравится, совсем уж бесчеловечно, надо дать ему имя. Пусть будет Ун) — поскольку Ун — не был похож на того, кто любит быть душой большой компании

и находиться в центре внимания, разбрасывая направо и налево искрометные шутки, нет, он, скорее, производил впечатление того, кто одним взглядом может заставить выйти человека в окно, я, как и остальные, решил повиноваться ему и следовать инструкциям. По крайней мере, пока. А там разберемся, что к чему.

Мы выходим из Белой Комнаты (лучшего названия для этого помещения я придумать пока не смог), и я второй раз за эти несчастные, — сколько, кстати? Полчаса? — в общем, сколько-то там времени опять думаю, что ослеп. Постепенно логика побеждает, и я понимаю, что мы просто-напросто вышли в длинный, словно бесконечный коридор, где на свете явно экономят, и на все эти добрые пару километров освещаются буквально тремя тусклыми лампами, которые явно не были предназначены для таких помещений. Ну да ладно, хоть не ослеп. И все-таки, где мы? И куда идем? И кто вообще, кстати, эти люди вокруг? Когда мое зрение перестало быть главным объектом моего внимания и беспокойств, я решил получше оглядеться вокруг. Что общего у меня и этих незнакомцев? Для каких целей нас собрали всех вместе?

Тут мои мысли прерывает пронзительный скрип позади всей нашей дружно идущей вникуда колонны, и я невольно разворачиваюсь прямо на ходу. Чуть не спотыкаясь о впереди идущего, который, услышав тот же звук, в замешательстве останавливается. На мое удивление, источником звука оказалась дверь чуть поодаль той, из которой всего пару минут назад вышли мы. И из этой двери тоже выходят люди во главе с еще одним Уном. С интересом замечаю, что они все вышедшие в коридор люди примерно одного возраста, и все явно чуть моложе меня. И тут внезапное открытие посещает мою голову: а ведь все те, кто вместе со мной находились в Белой Комнате, тоже примерно одинакового возраста. Интересно, однако.

Я снова слышу уже знакомый скрип и понимаю, что вдоль всего коридора расположены одинаковые двери, откуда десятками выходят люди одинаковых возрастов. Где-то их больше, где-то — меньше. Пока наша группа, по моим наблюдениям, самая многочисленная. Что же все это значит?

Коридор, похоже, бесконечный. Пока я думаю, что, возможно, эту прогулку представляет собой особый вид пытки, решаю присмотреться к своим соседям получше. Некоторые из ребят уже что-то тихо обсуждают между собой, хотя вид по-прежнему у всех потерянный. По правую руку замечаю двух человек с неприлично одинаковыми лицами: явно брат с сестрой. Их огненно-рыжие волосы хорошо видны даже в окружающей нас полутьме, а вот голоса словно растворяются в воздухе, едва достигнув зоны слуха собеседника. Мне приходится сильно постараться, чтобы услышать даже обрывки их разговора, но они, в отличие от других людей, идущих в радиусе моих слуховых возможностей уловить хоть какую-то информацию, однозначно привлекли мое внимание, поскольку выглядят уже не столько потерянными, сколько заинтересованными. И, что для меня тоже становится открытием, когда я замечаю это, — они не испытывают страха, в отличие от большинства рядом идущих. Они не боятся, что коридор закончится пропастью (версия пары человек позади меня), комнатой, наполненной ядовитыми змеями (у кудрявой девчонки чуть левее явно очень богатая фантазия), или что он не закончится никогда (моя версия). По обрывкам фраз близнецов (с такими лицами даже от варианта двойняшек я